

*(Осенняя женщина<sup>1</sup> «Роман в стихах»  
и «Сборники стихов и рассказов»)*

Я приготовился к осени, хотя в романе («Вторая половина жизни или Роман в белых стихах») она игриво-кокетливо именуется «Осенькой». Ну, что ж, примем правила игры, предложенные автором, и не будем сопротивляться. Вы замечали, что легче идти в том направлении, в котором дует ветер, а спорить с ветром трудно и, как говорят, «себе дороже»? Да и зачем?!

Говорят, что мужчины глубокомысленнее – быть может, – но зато с женщиною уютнее, музыкальнее, рядом с нею жить легче, чем около самого глубокомысленного мужчины (впрочем, об этом надо спросить его жену).

Итак, автор – женщина, сама себя она именуется *осенней*, а свой роман – «второй половиной жизни» – в этом единственном мы ей не поверим: если это даже и осень, то самое её начало, великолепные тихие и грустные деньки в конце августа, располагающие к прогулкам по Летнему саду, лёгкой усталости и ароматному кофе под музыку Шопена, Вивальди, романсы Рахманинова, исполняемые, конечно же, несравненной Надеждой Андреевной Обуховой!

Кофе сварим мы, мужчины, а она будет сидеть в уютном кресле и читать свои стихи...

Мне, единственному из читателей, повезло – мои слова, человека, ещё в колыбели ставшего критиком, она прочтёт (хотя и сетует, что с читателем ей, увы, не поговорить). Но я решил сразу, что свои критические замечания я выскажу ей потом, отдельно, и она к ним прислушается, потому что я деликатен и не порицаю её при всех – да, впрочем, и есть ли они, эти критические замечания, если она пишет о любви – к природе, родине, миру – и о любви к мужчине тоже?

Итак, первое стихотворение...

---

<sup>1</sup> Осенняя женщина – псевдоним Мельниковой Лидии Валентиновны.  
*Прим. ред.*

### 1. «Я могла бы написать...»

Напрасно я предположил, что мужчины глубокомысленнее женщин – в это стихотворение вместились все российские проблемы и почти все мужчины, кроме «лиц, стремящихся к успеху». Следовательно, читатель, забудь о своих успехах, просто доверься поэту, который мог бы написать не только о хорошем и достойном, но и о том, о чём пишем мы, не только критики, но даже и поэты... но «нет, – восклицает она, – не буду!»

### 2. Предчувствие любви...

О, эта хрестоматийная непоследовательность женщины! Она вся в одной строчке: «И как же хорошо, что никому нет дела до моих чувств!».

Но теперь, увы, есть дело даже мне, озабоченному преимущественно своими собственными проблемами: синтез и анализ критика вступают в свои права. Но, оказывается, два зимних красавца-каштана «напоминают женское сердце, ставшее твёрдым от мужских обид». И мне становится стыдно. Я вспоминаю бесчисленные романы и романсы XVII – XIX веков – помните: «Разочарованному чужды все обольщенья прежних дней»? – так пишет мужчина, обжёгшийся только на запахе молока. А что женщина? «Весною каштаны снова раскроют свои листочки, радуясь жизни, и то же происходит и со мною сегодня... сейчас...», – она нас уже простила!

### 3. «Ромашек белых лепестки»... – или призывание любви.

Женщина обращается ко мне, мужчине. «Взгляни с высот своих. Любовь мою разделим на двоих. И сердцем ты прозреешь, года в твою лишь пользу».

Вот она, мудрая женщина, она способна не только простить нам наше увядание, но даже превращает его в достоинство. А что мы? А мы оглядываемся на тридцатилетнюю, пробегающую мимо. На двадцатилетнюю... На семнадцатилетнюю, с удивлением думающую про себя: «И чего этому старцу надо?»

И лишь августовская женщина (героиня и автор книг, о которых я пишу) принимает нас всех!

### 4. «Я скучаю по тебе.»

... «сквозь, через, вопреки... пространство, расстояние, время, обстоятельства...

... когда любовь приходит, всё становится незначительным, кроме неё».

Это манифест романтика. А нам иногда кажется, что романтизм женщины проходит если не в мае, не в июне, то хотя бы в августе. Но, оказывается, он только крепнет.

И я с радостью читаю дальше.

Я возвращаюсь к самому себе.

Но я ещё не обрёл в этих стихах чего-то *ещё более существенного*, чем романтическая правда о преимуществе и превосходстве исключительного состояния (будь то любовь, религиозная вера, обретение научной истины, горение революционного энтузиазма, религиозный подвиг) над нашей обыденной жизнью и нашим обыденным миром. Вот у Тургенева любовь в форме вздохов на скамейке под луною, а Толстой намеренно пишет о детских пелёнках, которыми восторгается другая влюблённая, Наташа Ростова – можно ли сказать, что *«когда любовь приходит, всё становится незначительным»*, и уж тем более стирка, приготовление завтрака, штопанье ветхой одежды? Подспудно в стихах осенней женщины (то есть уже более умудрённой, а следовательно, менее романтической) присутствует и более высокая правда: *«когда любовь приходит, всё становится значительным»*... даже завтрак... стихи... паутина, дрожащая на солнце... гусеница, ползающая дорогу...

Но – читаем дальше.

### 5. Раннее утро.

«...манжетка мягкая... листья её имеют форму сердца и похожи на раковину жемчужины. На поверхности её рассыпаны капельки росы...»

Эта женщина внимательна ко всему: к утру, солнцу, деревьям, траве, цветам, к музыке... её собственные чувства не заполняют её целиком, не заслоняют от неё удивительный и прекрасный мир, который не менее интересен, чем мы сами – вот почему она становится мне всё интереснее.

Но вместе с тем чтение становится слегка однообразным, всё хорошо, мир великолепен, любовь заставляет трепетать сердца, ещё немного, и мы вознесёмся на небо – не хватает Интриги – а значит, не хватает страдания, **судьбы**, непредсказуемой или непоправимой перемены.

И словно спохватившись, автор говорит нам о *женской доле*.

... не жалуясь... не восторгаясь... не призывая к сочувствию, скупо-скупо показывая картины ее нелёгкой жизни.

### 6. «Женщина сидит за пралкой.

... рядом примостилась девочка четырёх лет и читает ей газету.

Женщину разморило и у неё слипались глаза от усталости.

Замечая это, дочка чуть притрагивалась к ней и ещё громче начинала читать...»

Сколько вечеров просидел я у прялки, у веретена, просто слушая рассказы и сказки, сколько газет было мною прочитано, сначала бабушке, потом маме, потом в правлении колхоза, где мне за это начисляли трудовые! Правда, я был старше, мне уже было семь лет.

Простая, но красочная картина детства внесла необходимое разнообразие, я проснулся, читаю дальше.

Мне интересно, на чём успокоится сердце героини стихов – да и успокоится ли? И успокоится ли сердце критика ... а, возможно, и просто читателя?

7. «Счастьем душу мне наполни!»

«О, небо! Я – душа, влюблённая в тебя.

Мне бы в синь... мне бы ввысь...

Чтобы счастливой быть...»

А что же *природа, семья, любовь, культура и стихи* – разве этого не достаточно для счастья?

И я понимаю, что героиня стихов, несмотря на полноту её жизни и личности – несчастлива ... она и счастлива тоже... но *счастливые люди не пишут стихов*, услышал я однажды от трезвого человека.

Итак, передо мною роман и два небольших сборника. Пейзажи (переносу на стихи понятия живописи). Жанровые сцены. Автопортрет.

Что же в «*сухом остатке*»?

Прочитать эти книги стóит. Литература в наше время становится женским занятием, и мужчинам поучительно взглянуть на мир глазами женщины, а женщине радостно почувствовать свою значительность, несмотря на... разные обстоятельства...

Для более глубокого подведения итогов необходимо ответить на вопрос, что такое поэзия, в чём её существенное отличие от прозы. *Стихотворение так отличается от небольшого рассказа, прозаической миниатюры, зарисовки, как метафора отличается от повествовательного предложения*. Но рассказы нашей Осенней женщины тоже своего рода метафоры? – разве не так?

Чего же не достаёт до совершенства? «Отстань! – отвечает поэт критику. «Ты – необычный человек, но ведь и я такая...» (стр. 159). Рецензия окончена, но я продолжаю читать дальше...